

Алексей Артамонов
Сергей Булгаков
Николай Сокиркин

СМЕРТЬ ЗЕМЛИ

**Алексей Артамонов
Николай Сокиркин
Сергей Булгаков
Смерть Земли**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25199951
ISBN 9785448555220*

Аннотация

Сборник рассказов в жанре антиутопии авторов творческого объединения «Посредник» (toposrednuk.ru) посвящён темам будущего, возможным сценариям конца света и миру в эпоху постапокалипсиса.

Содержание

Смерть Земли	5
Таймер	14
Неудачная реконструкция	39
Устать бояться	39
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Смерть Земли

Алексей Артамонов

Сергей Булгаков

Николай Сокиркин

Редактор Юлиана Орлова

Редактор Максим Малышкин

Редактор Игорь Кондратьев

Иллюстратор Дмитрий Ошанин

© Алексей Артамонов, 2017

© Сергей Булгаков, 2017

© Николай Сокиркин, 2017

© Дмитрий Ошанин, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-5522-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерть Земли

НИКОЛАЙ СОКИРКИН

Тяжёлые, похожие на старинные утюги, летательные аппараты, словно тщательно проглаживая воздух, медленно летели к новому дому для землян – для тех, кто смог позволить себе этот полёт. В этом полёте были и страх перед смертью на раненой, обожженной Земле, и та мечта, что отравляла разум многих, и новая земля, и новый свет, новая радость для авантюристов, каторжников. Это была планета, пока еще не ждавшая гостей, пока еще видевшая людей лишь в малых количествах и еще не понимающая, как радостно ей жилось где-то на окраине галактики. Но теперь вся неразумная фауна узнает, что жить просто так нельзя, что есть цена и спрос, что всё должно быть взвешено и измерено, что в мире есть угнетенные и угнетатели, есть рабы и есть хозяева, есть государство с его аппаратом насилия – все эти великие достижения разума принесут сюда земляне. Этот полёт не что иное, как бегство. Бегство от самих себя.

– А теперь вам, как лучшим пилотам Корпорации земных держав, выпала честь нести свободу и развитую жизнь на те немногие отсталые мирки над Землею, – радостно, почти повизгивая, распинался холёный чиновник перед отборными пилотами корпорации.

– Простите, а что, если это не совсем... ну как вам сказать... не совсем этично? Ведь Земля – это не просто нефтяная держава, чтобы вот так её отутюжить нашими бомбардировщиками, это... – Монолог молодого пилота оборвался под натиском недружелюбных взглядов сослуживцев.

– Акционерное общество «Планета Земля» дает нам полное право на утилизацию этой старой планеты, ведь она всё равно отравлена. Простите, но вы хотели бы жить в бочке с ядовитыми отходами? Нет. А что до кучки фанатиков, всяких там буддистов-коммунистов и прочей нечисти, то они не являются гражданами, они сами выбрали себе такую участь, они сами выбрали смерть, – спокойно ответил чиновник.

Огромные бомбардировщики, окруженные истребителями, летели к темно-синему шару.

– Странно, но нам говорили, что Земля – это преисподняя, что она черно-красного цвета, а жители её – словно черти?! – удивленно произнес штурман одного из кораблей.

– Тебе ли не все равно? Как по мне, скорее бы вернуться на свой участок. А что до Земли, то мне кажется, что жить под открытым небом вредно, да и ученые это давно доказали, – отозвался стрелок.

Бомбардировщики постепенно стали заходить на боевую позицию.

– Что с вами, штурман?! – удивился старший пилот, увидев лицо сослуживца. – На вас лица нет, и руки дрожат!

– Я сам не понимаю, все мысли о том, лишь бы ничего не испортить, – отозвался штурман.

До бомбардировки оставались считанные минуты. Все шло вроде бы по намеченному плану, только странное волнение охватывало некоторых членов экипажей.

– Я, я не могу подавить в себе это странное волнение! – закричал механик.

– Отставить панику! – резко крикнул капитан. – Ты что – девка, чтобы истерики закатывать? Это операция века, ты представляешь, что будет, если все испортим, ты подумал о себе, о своих детях и внуках, на какой позор ты их обрекаешь, что их ждёт? А всё потому, что их папа и бабушка в ответственный момент оказался истеричкой!

– Но у меня в глазах мелькает образ Земли, словно... словно я жил на ней! – снова закричал механик.

Капитан резко развернулся и врезал ему по челюсти.

– По возвращении отдам под трибунал! – сказал капитан, сильно сдавив горло механику.

На втором бомбардировщике взбунтовался второй пилот.

– Земля вовсе не опасна нам, я вижу на ней моря и океаны. Пусть даже они и отравлены, но там есть и люди, я вижу их на мониторе! Они не хвостаты и не похожи на монстров, они такие же, как мы! – обратился пилот к сослуживцам.

– Штаб делает запрос, – сообщил радист, – спрашивает, почему не начинаем.

– Епископ дает добро, – передал другой радист, – не по-

нимаю, почему земляне не борются? Я чувствую себя одним из них, словно я прожил все жизни, словно пережил все эпохи, о которых говорилось в книгах по истории.

Люки отворились, и первая водородная бомба показалась из черного чрева корабля. Земля, словно в окружении роя шершней, тихо наблюдала за обвившим ее кольцом.

– Внимание! – раздался голос командира ведущего звездолёта.

– Внимание! – голос капитана был взволнован. – Помехи, мы не можем связаться со штабом, электромагнитные колебания расстроили связь и почти всю аппаратуру!

Ракета стартовала, но прошла мимо Земли, несколько истребителей врезались в главный корабль. Остальные космические суда ринулись в атмосферу Земли. Капитан одного из них отдал приказ о самоуничтожении...

Пилот истребителя открыл глаза. Над ним стояли врачи.

– Что со мной? – спросил пилот.

– Ничего страшного. Ваш истребитель разбился на Земле, но вас удалось спасти, – ответил высокий седовласый доктор.

– Всё благодаря нашей компании, звездолеты смогли через магнитный порт доставить вас в спасательный звездолет фирмы «Космический ангел», – продолжал доктор.

– Землю взорвали? – взволнованно спросил летчик. – Что-то пошло не так, я это точно помню, а ещё я был на Земле!

– Земли уже нет, а вас только одного удалось спасти

из этого адского пекла, – улыбаясь, сказал хирург.

– Но Земля не выглядит как преисподняя! – не унимался летчик. Его голубые глаза смотрели в потолок, не видя его, они словно отражали измученную планету.

– О нет, вы ошибаетесь, это ваши видения. Причиной того, видимо, синдром Земли. Проще говоря, вы ложное выдаете за действительное, – оборвал его врач.

Летчика повезли в палату.

– После посещения психотерапевта он забудет всё, что видел, – сказал врач ассистенту.

– Его не устроят? – поинтересовался хирург.

– Напротив, он станет ходячей рекламой, он будет героем, ведь надо сделать из этого подвиг, более того, он сам будет рассказывать об аде под названием Земля! – смеясь, ответил доктор.

Чиновник, потирая пухлые руки, смотрел на бравого летчика.

– Увы, увы и ах. Ваши боевые друзья погибли, их накрыло взрывной волной сразу же после того, как удалось достать вас. А вы последний, кто остался жить из этой героической плеяды, о вас будут слагать легенды, – визгливым голосом обратился он к пилоту. – А, простите, вы что-нибудь помните о том моменте, когда попали на поверхность Земли?

– Жар, только сильный жар и огонь, – летчик с трудом выдавливал из себя воспоминания, – вы знаете, мои воспоминания

нания какие-то странные, будто искусственные.

– Ну, ничего, ничего! – чиновник похлопал его по плечу и добавил: – Поезжайте в свою квартиру, любезно предоставленную вам строительной фирмой «Помпея», женитесь или лучше отправьтесь на отдых, и все забудется, как ночной кошмар.

Лифт медленно полз вверх. В окружении гула приборов невозможно было сосредоточиться. Даже воздух словно душил, здесь, где прежде летчик любил бывать, упиваясь своими мечтами о квартире на верхних этажах. Теперь все давило на него. «Лучше бы я погиб тогда. Теперь я словно разделен на два человека: один был до аварии, а второй живет теперь. И этот второй ненавидит первого, я будто здесь чужой, что-то врачи недоговаривают мне», – думал он.

Устройство сна быстро сделало свое дело. Пилот уснул, забыв о гнусном шуме приборов.

В космической темноте виднелся бело-голубой шар. Он приближался всё быстрее и быстрее, пока не стали видны материки и океаны. Вот, словно голова слона, виднеется Африка, белое облако накрывает Суэцкий канал. Евразия раскинулась севернее «черного материка». Истребитель горит, огонь обжигает руки и лицо. Но вот чьи-то сильные руки тянут обожжённое тело из пылающего истребителя. Воздух легкий. Он обвевает тебя, и ветер словно сдувает боль. Опять виднеется голубой шар, появляется небо. И небо голубое, оно манит к себе. Снова голубой шар. Теперь виднеется тра-

ва. Трава, шар, трава, космическая пустота и... шум телевизора. Пилот вскочил. Все вокруг злило его. Хотелось сделать дыру в стене и бежать в открытое пространство, в котором нет стен и этого гула, хотелось бежать к тому голубому шару, хотелось вернуться в сон. Теперь он знал, что тот голубой шарик и была Земля, она больше не казалась ему преисподней, преисподней теперь была для него эта роботизированная квартира, все здесь было искусственно, и даже люди с их мыслями и бытом. Искусственным был и сам пилот.

Везде изображался взрыв Земли, в магазинах продавались брелоки в виде ярко-красного шара, пронзенного, словно стрелой, водородной бомбой. На мониторах повторялся взрыв, при этом Земля была словно пылающий монстр, программисты изобразили её в виде дракона, извергающего пламя. Пламя охватывает его и превращает в земной шар. «Нет, это неправда, она не горячая, она не горячая, она прекрасна, я видел её», – думал летчик.

С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. По ночам ему снилось, что город, в котором он живет, превращается в огромного монстра, металлические руки хватают пилота, а затем наступает мрак. Бродя по улицам, летчик услышал из новостей о полете на космическом корабле до места взрыва Земли. Звездолёт будет полностью автоматизирован, а честь взойти на борт этого самого современного судна получают лучшие лица нового света.

«Свинячьи рыла, а не лица», – про себя усмехнулся он.

Вновь и вновь слышался голос довольного диктора, который призывал лететь к обломкам Земли.

«Мне надо увидеть обломки мечты», – подумал пилот.

Корабль летел в холодной космической пустоте. Место, где умерла Земля, отображалось на сверхновых мониторах.

«Что за ерунда, все в мониторах, где же иллюминаторы?» – думал беглец. В роботизированном отсеке стоял гул, люк был задраен, но человеку, знакомому с такой техникой, не доставляло особых трудностей проникнуть туда. Пилот изменил курс, и теперь корабль летел строго в то место, где находилась Земля. В маленький иллюминатор пилот увидел голубой шар, он был таким, каким он видел его во снах.

«Не может быть! – его словно ошпарило. – Это Земля!»

Лётчик как будто ожил, стало легко, душу охватило ощущение странного покоя, словно он нашел то, что искал, и теперь никогда не вернётся в прежний страшный мир.

Мониторы потухли, а вместо них открылись иллюминаторы. В динамиках прозвучал голос незваного гостя.

– Это Земля, смотрите внимательно, ее не убили, это Земля! – прозвучал его голос.

Люди начали кричать и бежать, образовалась давка, словно обезумевшее стадо, они толкали и давили друг друга.

– Почему вы кричите? – летчик не понимал их страха, его волевой голос накрывал толпу. – Она не опасна, может быть она и загрязненная, но еще вопрос кем и когда?!

– Это диверсия! – слышались крики.

– Мы не хотим видеть ее, дышать под открытым небом, испытывать силу ветра и дождя, это опасно! – закричала какая-то женщина.

– Нас хотят ввергнуть в бесстыдство, нас возвратят в греховное существование! – вопил епископ.

Летчик был поражен. Он ожидал бурной радости, он хотел вернуть людей к их нормальному состоянию. По связи раздался голос начальника штаба:

– Немедленно назовите себя и измените курс! – прозвучал грозный голос. Беглец никак не мог прийти в себя и не знал, что предпринять.

– Повторяю, назовите себя и измените курс! – вновь прозвучал голос по рации.

Пилот включил передатчик и медленно начал говорить:

– Я хочу вернуться на Землю.

– Что?! Кто вы такой?! – со злостью спросил начальник штаба. На мониторах появилось спокойное лицо пилота.

– Я землянин. – Он замолчал, словно сам не ожидал этих слов. – Я беглец, я сделал себе крылья и бежал к мечте. Я последний землянин среди вас.

Звездолет развернулся и лег на прежний курс. Едва заметный корабль отлетел от него и направился к голубому шару.

– Земля, я хочу вновь вдохнуть твой воздух! – сказал пилот, и впервые на его лице появилась улыбка.

Таймер

СЕРГЕЙ БУЛГАКОВ

Войцех Подольски сидел в пабе, пил уже третью кружку пива и смотрел по телевизору футбольный матч «Леха» с «Легией». Таким образом он пытался снять нервное напряжение. Войцех работал врачом на скорой помощи в Варшаве. Это был вечер после его очередного дежурства. Обычно он проводил такие вечера дома, читая книгу или копаясь в глобальной сети, но именно сегодня привычное одиночество ему было не по духу и хотелось общества других людей. Все его мысли крутились вокруг сегодняшнего выезда по вызову больного. Вначале всё казалось очень обыденным и понятным: температура, тошнота, рвота. Но эта самая температура, невзирая на два сделанных укола, с легкостью перешагнула сорок два градуса всего лишь за пятнадцать минут, и пациентка, потеряв сознание, умерла у него на руках. У неё даже пар пошел изо рта! А тело сморщилось, как будто из тела выкачали всю воду. Войцеха передернуло при одном этом воспоминании, он допил пиво и заказал ещё одну кружку. «Ужасно, ей же было не более сорока лет», – проворкотал он. Затем он, по-прежнему ничего не замечая вокруг себя, покачал головой: «Сорок лет – это по документам, но выглядела она лет на двадцать пять, максимум. Конечно,

она жила в элитном районе, денег у неё было предостаточно, наверное ела „таблетки молодости“ каждый день».

Тем временем первый тайм футбольного матча закончился и команды ушли на перерыв. Началась реклама. На экране появился молодой парень в спортивных шортах, красивый, загорелый, накачанный.

– Мне тридцать пять лет, – начал он, – но посмотрите на меня и скажите, на сколько я выгляжу? Найдите в себе силы признаться, что я выгляжу на двадцать лет! Благодаря чудо-таблеткам «ТТВ19», которые я употребляю ежедневно. С тех пор я не постарел ни на день! Компания «ЮЭроп фармацевтик индастриз» предлагает вам ни больше ни меньше как вечную молодость или даже вечную жизнь. Наши таблетки не имеют побочных эффектов, улучшают работу организма в целом, излечивают сотни заболеваний, но самое главное – они не дают вам стареть! А теперь скажите мне, сколько бы вы заплатили за такую таблетку? Триста евра-ней? Пятьсот? Вы так дешево цените свою жизнь? Наше специальное предложение: одна таблетка – всего лишь тысяча евра-ней! Подумайте, фактически бессмертие за триста шестьдесят пять тысяч евра-ней в год! И это дорого?! Приобретайте «ТТВ19» только у дилеров «ЮФИ», всё остальное – подделка.

Дальше мелким шрифтом пробежала строчка о том, что предложение действительно только при покупке годового курса таблеток.

Еврань был общей евразийской валютой, возникшей в 2024 году после финансового слияния юаня и евро. Евранем пользовались в Европе, Азии и Северной Африке. Главным конкурентом евраля был международный доллар (доллар), которым пользовались по другую сторону Атлантики в обеих Америках, а также в Австралии и Океании. Они были свободно конвертируемыми, ходили по всему миру, и даже курс был почти одинаковым. Наличные практически канули в прошлое, уступив место электронным деньгам и электронным же ценным бумагам. В отсталых странах до сих пор использовали и устаревшие доллары, и евро, и рубли, но это постепенно безвозвратно уходило.

Собственно говоря, за первую половину двадцать первого века человечество не так уж сильно изменилось. Не было сделано ни одного великого эпохального прорыва в науке. Регулярные полеты людей к другим планетам Солнечной системы так и не стали реальностью. Космические программы по-прежнему стоили слишком дорого, так что Луна и тем более Марс оставались недостижимыми для населяющих Землю homo sapiens. Люди по-прежнему воевали в локальных конфликтах, выкачивали заканчивающиеся природные ресурсы и озверело старались обогатиться. Единственным революционным событием были «ТТВ19» – чудесные таблетки, благодаря которым люди не старели и практически не болели. Создателем таблеток считался Гордон Браун, занимавший в «ЮФИ» пост вице-президента. Это открытие сделало

его из рядового ученого совладельцем компании и сказочно богатым человеком.

– Гол!!! – радостно завопил голос из динамиков. Уже на первой минуте второго тайма полузащитник «Легии» открыл счёт сильным и точным ударом метров с сорока. Вратарь, не ожидавший такого развития ситуации, совершил отчаянный, но запоздалый прыжок и до мяча не дотянулся. От этого гол получился ещё более красивым.

Войцех довольно улыбнулся и хлопнул по ладони соседа справа за барной стойкой, который также болел за «Легию». Но радость прервал неожиданный телефонный звонок. Он тяжело вздохнул и с неудовольствием ответил. В динамике звучал строгий, но и одновременно испуганный голос начальника его медицинской бригады:

– Подольски, приезжайте срочно в больницу! Тут такое!

– А что происходит? – спросил Войцех, который совсем не хотел сейчас работать.

– Три подряд случая, аналогичных вчерашнему! И есть подозрения ещё на пять! Срочно, я сказал! За оплату сверхурочных не беспокойтесь.

Подольски залпом допил пиво, вытер губы рукавом и направился к выходу. Перед самой дверью он оглянулся на экран и увидел, что один из футболистов лежит на газоне, корчась в конвульсиях. Вокруг столпились другие игроки и медики. Кто-то сделал звук громче. Голос комментатора недоуменно бормотал в эфире:

– Непонятно, что с ним случилось, но видно, что ему очень плохо... А ведь не было никакого столкновения, на повторе мы видим, что он просто падает и начинает дёргаться всем телом...

Войцех выскочил из бара и стремительно помчался к метро.

* * *

Марсель Англома спал отвратительно. Ему снились языки пламени, охватывающие всё вокруг, а когда у него начали гореть руки, он проснулся в холодном поту. Так плохо ему ещё никогда не было. Часы показывали половину четвертого утра. Он с трудом поднялся и подошел к окну. Как обычно фонари не горели, где-то лаяли бродячие собаки, нищие копались в мусоре, вдалеке раздалась пара выстрелов. В общем, типичная картина для жителя окраины Руанды. Марсель включил телевизор, чтобы хоть немного успокоиться. Древний «Панасоник», которому было уже лет тридцать, зажегся и выдал круглосуточный новостной канал Анголы. Красивая кудрявая ведущая, сияя ослепительной белозубой улыбкой, рассказывала, как ангольская народная армия под командованием героя – генерала Мусаи – добивает войска бывшего президента Джомоа (свергнутого три месяца назад) на юге страны.

А потом началась реклама. Даже в Африке, раздирае-

мой многочисленными военными конфликтами, погибающей от голода и недостатка воды, реклама особенно не отличалась от показываемой в Европе.

– Купите новый «Тайонда»! Управляйте дорогой!

– Наши чипсы самые хрустящие! Целых десять процентов натурального картофеля!

– «Блэк Спайс» – истинный аромат настоящего мачо. Любая женщина станет вашей, почувствовав этот запах!

– Кроссовки «Айк» с ускорителем бега! Стометровка за восемь секунд – без проблем!

И, конечно же, «ТТВ19». Куда же без них.

– «ТТВ19»! Революция в мировой науке. Секрет вечной молодости! Всего за тысячу еврапей – одна таблетка. Хотите жить вечно? Это возможно! «ТТВ19» – наш выбор!

Марсель улыбнулся. Он пробовал «ТТВ19» только раз, около двадцати лет назад, когда учился в Москве, в Университете дружбы народов имени Уго Чавеса. Тогда они с друзьями ограбили какого-то богатенького мажора и в его сумке нашли, помимо прочего, упаковку этих чудо-таблеток, целых десять штук. В то время это было самое новое и обсуждаемое научное открытие, которое стоило баснословных денег. Каждый взял себе по таблетке, а остальные они продали на одном из рынков за четверть цены и потратили деньги на ночные клубы, женщин и выпивку. Свою таблетку Марсель берёт долго, до того случая, когда запущенная вирусная инфекция вызвала осложнение в виде сильнейшего вос-

паления легких. Тогда одна съеденная «ТТВ19» спасла ему жизнь. Вот бы сейчас ещё одну... Мужчина застонал от боли, опираясь на стену, дошёл до дивана и рухнул на него, потеряв сознание.

Через какое-то время Марсель очнулся, с трудом сумел подняться и сесть. Его лихорадило. Он взглянул на свои руки, увидел, как они иссохли, а кожа сморщилась. Марсель немного отклонился в сторону большого треснувшего зеркала и увидел в нём вместо своего отражения какого-то худого старика с белой от седины головой.

А за окном начинался новый день.

* * *

Профессор Милявский оглядел студентов, собравшихся в аудитории для сдачи экзамена по теории государства и права. Впрочем, студенты не видели направления его взгляда, так как глаза были скрыты непроницаемыми затемненными очками, которые представляли собой неотъемлемую часть образа профессора. За время сессии Милявский уже сумел заработать больше десяти тысяч еваней, однако ему хотелось ещё больше. Хотя... впереди намечались ещё пересдачи, которые как раз и были основой прибыли профессора. Вот очередной студент, Роман Жуков, бледный от волнения, присел за стол перед Милявским для ответа.

– Политический режим характеризует методы воздей-

ствия государства на общественные отношения...

Милявский не слушал, он думал о том, как построит на своем дачном участке каменную беседку для шашлыков и второй гараж для новой машины.

– Василий Васильевич? – студент уже закончил ответ и сидел, вопросительно глядя на профессора.

Милявский презрительно взглянул на парня из-под очков и начал свою любимую игру, в которую играл со студентами последние лет пятьдесят.

– А... ну а в чём суть этого вопроса?

– Я же только что рассказывал...

– Нет, поясни, в чём важность этой проблемы?

– Ну как же! Я же...

– Вот ты всё это говорил-говорил. Но вот чем это значимо для науки?

Студент ошалело хлопал глазами, пытаясь понять, чего хочет от него профессор. Конечно же, на самом деле профессор хотел получить хотя бы пятьсот евранией на пересядаче, поэтому холодно и строго смотрел на парня.

– Иди почитай, тебе самому интересно станет, – снисходительно произнес наконец Милявский.

– Но...

– Иди, иди, – повторил профессор, – увидимся на пересядаче.

Роман вышел из аудитории с опущенной головой, мысленно всячески проклиная профессора.

Все знали, что тот преподает в университете долгие годы, нагло и не таясь берёт взятки практически чуть ли не со всех студентов. Конечно, имея столько денег, он наверняка принимал «ТТВ19», эти чудесные таблетки, практически с момента их появления в продаже, поэтому внешне выглядел словно законсервированный, как обычно говорят про тех, кто не меняется годами, и не испытывал никаких проблем со здоровьем.

Все уже привыкли к тому, что профессор слишком часто для его возраста менял девушек, среди которых были и его студентки, и девчонки с других факультетов, и просто те, которые ему нравились. Стоит отметить, что это в какой-то мере были взаимовыгодные контакты. Да они и сами были рады с ним встречаться, поскольку он не только тратил на них значительные суммы, но и за особые заслуги покупал им «ТТВ19», чтобы они оставались такими же молодыми, здоровыми и красивыми, пока ему не наскучат.

Вот и сегодня, не изменяя своим привычкам, после экзамена Милявский прошел по университетскому двору Все-союзного Университета, обнимая Ромкину однокурсницу – красивую блондинку Ольгу Белову, которая была с ним уже последние пару месяцев. Роман одиноко сидел на скамейке напротив остановки, курил, нервно теребя пальцами сигарету, и провожал парочку мрачным взглядом. Ясное дело, что она встречалась с этим старпёром исключительно из-за денег, и её это, видимо, устраивало. Ну а с другой стороны, что

плохого в желании девушки жить красиво и использовать для этого все возможности? Не таскаться же ей со своими сверстниками по дешёвым кафешкам и кино, получать в подарок три розочки и бижутерию, а сексом заниматься, пока родителей нет дома... Роман злобно усмехнулся. В принципе, такая практика, когда молоденькие девчонки фактически продавались состоятельным мужичкам, за последние десятилетия стала настолько обыденной, что в другой ситуации не привлекла бы Ромкиного внимания, но сейчас в его душе всё переворачивалось, потому что Ольга ему очень нравилась. От мыслей о том, чем этот старый, пусть и хорошо выглядящий, тип занимается с ней в постели, парня покорёжило, и он невольно остановил взгляд на лежащем в паре метров кирпиче.

А в самом деле, что ему было терять? Всё равно Милявский никому не ставит за знания, а денег, чтобы дать ему взятку, найти было просто нереально. Конечно, может быть, мать и устроилась бы на третью работу, но он сам бы себе этого не простил. Можно было ещё взять перерыв в обучении, заработать за три-четыре месяца нужную сумму и заплатить продажному профессору, однако Ромка эту мысль отогнал от себя. В конце концов, зачем ему нужна эта учёба? Честному юристу всё равно много не заработать, а кому нужна работа, не приносящая денег? Уж лучше бритым наголо маршировать в казарме, тем более что армию власть последнее время всячески обласкивала своим вниманием, щедро

прикармливая её, как последний рубеж защиты своего режима.

Тем временем Милявский с молодой подругой сели в его новенький чёрный внедорожник. Роман решительно подобрал кирпич и огляделся по сторонам. Вроде никого не было. По крайней мере, он никого не увидел. Когда машина тронулась с места и находилась уже в непосредственной близости, парень замахнулся кирпичом, но в последний момент сдержался. Это, конечно же, был бы глупый поступок. Камеры же всё фиксируют, а значит, его найдут и заставят платить ущерб. А то и дело уголовное вообще завести могут. Мысль о слезах матери остановила Ромкину руку.

– Чтоб ты сдох, мразь, – прошипел молодой человек с ненавистью, глядя вслед резко рванувшемуся внедорожнику.

Сразу после этих слов машину швырнуло в сторону, потом в другую, затем она развернулась и понеслась обратно – прямо по направлению к главному входу. Точнее, она ехала совсем не прямо, а постоянно виляя, но неизбежно приближаясь к парадной лестнице университета. На скорости джип влетел по ступенькам вверх и разнес стеклянные двери учебного заведения. Остановить движение безумной машины смогла только бетонная стена фойе. Ромка сразу бросился к месту столкновения и оказался там даже быстрее уже успевшего после начала смены налакаться охранника, растерянно хлопавшего глазами.

К счастью, дверь с пассажирской стороны с усилием, но открылась, и Роман увидел, что Ольга, на первый взгляд, вроде бы серьезно не пострадала. Всё-таки системы безопасности в дорогих машинах уже многие годы делали с умом. Парень сумел вытащить девушку и осторожно положил её на пол, подсунув под голову свой свёрнутый пиджак.

А на водительском сиденье, уткнувшись носом в подушку безопасности, скрючилось ненормально высохшее тело профессора Милявского. Он тоже, судя по внешнему виду, серьёзно не пострадал, но при этом всем было очевидно понятно, что жизнь стремительно покидала его. Обезумевший взгляд пожилого мужчины метался, не замечая никого и ничего вокруг, а с губ срывался какой-то звериный рык. Впрочем, это продолжалось не более минуты. Никто не успел ничего предпринять. Профессор дёрнулся последний раз и затих.

Стало совсем тихо. Охранник наконец сообразил и бросился вызывать экстренные службы. Ольга слабо застонала и попробовала пошевелиться, приоткрыв глаза.

– Лежи, лежи, не двигайся, – прошептал Роман, – я рядом, всё будет хорошо.

Прибывшие медики установили, что Ольга отделалась лишь многочисленными ушибами и переломом левой ноги, профессор же и вовсе не получил от столкновения серьёзных повреждений, а умер по какой-то совершенно другой причине. И по лицам врачей Рома понял, что это далеко не первая

такая смерть, которую они видят.

* * *

На расширенном заседании руководства «ЮФИ» присутствовали её вице-президент Гордон Браун, три члена президиума, а также представитель правительства Европейского содружества Дик Крюгер и сенатор Маккейн.

– Скажите, Гордон, неужели вы не тестировали эти таблетки перед тем, как выпустить их на рынок? – вкрадчиво спросил Маккейн.

– Конечно, тестировали, но никому и в голову не могло прийти, что их действие проявится только через двадцать три года. Первая тестовая группа замечательно себя чувствовала на протяжении целых восьми лет. Правда, потом все они, все девять человек, разбились на самолете при посадке в Майами. Но компания решила, что и восьми лет достаточно. Затем протестировали ещё пару лет на нескольких тысячах людей. Вы понимаете, нескольких тысячах! Никаких побочных эффектов! Только плюсы. Мы же изначально создавали «ТТВ19» для лечения болезни Паркера, а это страшнее рака и СПИДа вместе взятых! Да я и сам жрал эти поганые таблетки на протяжении почти двадцати лет! Мне жить осталось чуть больше трёх!

– Зачем вы их вообще придумали?! – взревел Дик Крюгер.

– Ха! – глаза Брауна гневно и презрительно посмотрели

на чиновника. – Да если бы не эти таблетки, то весь земной шар был бы давно охвачен эпидемиями, и это ещё не считая эффекта молодости... Да вы бы сейчас были дряхлым дедом, может даже с мочеприёмником в кармане! «ТТВ19» позволили выжить сотням тысяч людей. Да, они не всегда излечивали навсегда от какой-либо болезни сразу, но позволяли ослабить вирус и делали возможным традиционное лечение. А неоднократное их принятие позволяло поднять иммунитет людей на недостижимые иными способами в ближайшие лет сто высоты!

– И что, нет никакой надежды? – Крюгер немного смягчил тон.

– Нет! И её точно не будет в обозримом будущем! Это не вирус, не бактерия, это что-то непостижимое для нашего разума. Вы просто резко стареете через восемь тысяч шестьсот пятьдесят восемь дней после принятия первой таблетки. Организм этого не может перенести, и человек умирает в жутких муках за несколько минут. Никакая терапия не поможет. Поверьте мне, мы использовали самые продвинутые технологии! Представьте себе, эти проклятые таблетки родители давали детям как лекарство. Даже в развивающихся странах почти все хоть раз в жизни съели хотя бы одну таблетку. Вы же помните эту глобальную благотворительную программу? Гуманитарная помощь достигала таких объёмов, что на каждого жителя Африки, Азии и Латинской Америки, по статистике, пришлось две-три таблетки. Ну,

спишем на коррупцию треть, которую разворовали, но тем не менее.

– И что же ждёт нас, если не найти противоядия? – сенатор Маккейн злобно сверлил взглядом побледневшего Брауна.

Гордон уже думал над этим, поэтому ответил почти сразу.

– Обобщить всю информацию я пока не смог, но с уверенностью могу сказать, что людей, которые ни разу в жизни не пробовали «ТТВ19», около двухсот миллионов. Причём это довольно разношерстная публика. Согласно данным ООН, более двух миллиардов таблеток были распространены в отсталых странах, то есть этих людей мы вскоре похороним. Около одного миллиарда являются постоянными клиентами «ЮФИ» – их тоже вычеркиваем. Всемирный Центр общественного мнения в прошлом году установил, что восемьдесят шесть процентов жителей планеты пробовали «ТТВ19». Армии всех стран мира раз в год давали их своим военным, а детям делали прививку на их основе сразу после рождения.

– А кто же останется, Гордон?

– Прежде всего, это коренные малочисленные народы, ведущие традиционный образ жизни: чукчи-оленеводы, буряты, карелы... горцы, дикие племена Южной Америки, Океании, немного индейцев, бедуинов, ну и аналогичные народности. Они уже многие годы ведут замкнутый образ жизни и никогда про эти таблетки не слышали. Наверное, они даже не заметят, что все остальные умерли. Помимо этого

останутся некоторые adeпты религиозных течений, в основном монахи-христиане в монастырях, буддийские, индуистские... Люди, которые в силу своей веры отказывались принимать «ТТВ19», видя в том искушение и сопротивление воле Бога. Однако многие, наоборот, видели в этих чудо-таблетках благодать и, посещая храмы, принимали их регулярно. Города вымрут почти все. Только беднейшие останутся, так как они не имели возможности купить «ТТВ19». Конечно, некоторые их воровали, но у большинства было желание лишь добыть себе еды.

– Вы хотите сказать, что человечество не обречено на вымирание? – спросил Крюгер.

– Нет, перечисленные мной категории людей будут жить так же, как и раньше, кроме того родятся же новые дети, которым не будут давать эти проклятые таблетки. Вопрос в том, как общество переживёт смерть огромного количества человек в относительно сжатые сроки.

– Нужно немедленно изъять «ТТВ19» из продажи и вообще уничтожить их запасы! – прорычал Маккейн. – И рекламу запретить! Но пока не будем говорить людям всей правды, может быть, ещё будет найдено лекарство?

– Не обнадёживайте себя, мистер Маккейн, – отрезал Браун, – в нашей лаборатории собраны лучшие специалисты в мире, и они до сих пор не смогли решить эту проблему. Я ещё, конечно, буду пытаться, но шансов практически нет.

– Да как вы вообще придумали эту дрянь?! – взревел Мак-

кейн.

– Это сложно объяснить, и я сейчас не собираюсь этого делать, – отмахнулся Браун.

– Нет уж, – сенатор вдруг вытащил из-под стола пистолет и навел его на ученого, – рассказывай нам всё!

– Вы угрожаете смертью человеку, уже обреченному умереть? – усмехнулся Браун.

– Три года на кону как-никак, – ощерился Маккейн.

– Вы всё равно не поверите.

Гордон вопросительно посмотрел на трёх членов президиума – дряхлых морщинистых стариков. Они переглянулись между собой и закивали.

– Скажи им, – прошамкал первый.

– Пусть узнают, – сильным голосом добавил второй.

– И удивятся, – хмыкнул третий.

Гордон Браун достал из портфеля и положил на стол небольшой чёрный кубик размером чуть больше пачки от сигарет, помещенный в полиэтиленовый пакетик.

– И что это? – хмыкнул Маккейн.

– Источник «ТТВ19», – коротко ответил Браун. – Этот камешек нашли рядом с местом падения Антарктического метеорита около тридцати лет назад.

– Вы хотите сказать, что из этой штуки делали таблетки? – с недоверием произнёс сенатор.

– Не совсем, – покачал головой Гордон, – я сейчас всё вам продемонстрирую.

Он подошёл к шкафчику, вытащил из него маленький аквариум с водой, поставил его на стол и опустил кубик в воду, предварительно вытащив из полиэтилена.

В ожидании все столпились вокруг. Через пару минут из предмета стала интенсивно выделяться слизь тёмно-красного цвета. Она быстро заполнила аквариум и прекратила дальнейшее расширение.

– В общем, – прервал молчание Браун, – именно из этого выделенного вещества сделана основа «ТТВ19».

– Хрень какая-то, – пробурчал Крюгер, – нас пичкали инопланетной жижей!

– Получается, что все таблетки в мире, то есть их основа, произведены из этого маленького кубика? – спросил Маккейн.

– Угу, – кивнул Браун. – Только этих предметов тринадцать. Все они были найдены в районе падения метеорита. Больше таких нет. Предметы абсолютно идентичные по тем характеристикам, которые мы смогли измерить: плотность, масса, размеры. А вещество они выделяют только будучи помещёнными в воду с весьма любопытным процентом содержания соли.

– И что это за любопытный процент? – ухмыльнулся Крюгер.

– Шесть целых, шестьдесят шесть сотых и ни тысячной больше или меньше.

– Чертовщина какая-то! – сказал Крюгер и выругался. –

Вы, наверное, совсем тронулись умом, а я вместе с вами, раз выслушиваю эти бредни про метеориты и дьявольские числа. Вы же учёный!

– А я и не придавал раньше этим числам никакого значения, – отмахнулся Браун, – но последние события даже меня заставили взглянуть на мир несколько по-другому. Три шестерки фигурируют во многих предсказаниях конца света и сатанинского промысла, но вопрос всегда заключался в том, где их искать.

Остаток дня прошел в детальных обсуждениях планов на будущее, которое ещё утром виделось в смелых мечтах бесконечным, а сейчас – трагически коротким. В ходе споров Маккейн всё же нечаянно выстрелил из своего пистолета, попав в стену, за что получил весьма вмятнутую затрепанину от Крюгера, а Брауну с трудом удалось их разнять. Только три члена правления хранили абсолютное спокойствие и лишь время от времени бросали какую-нибудь уточняющую реплику.

* * *

Уже примерно через полгода девять миллиардов населения Земли стало катастрофически быстро уменьшаться. За первую неделю «Предельного кризиса», названного так доктором Брауном, в день умирало по пятьдесят-сто миллионов человек. Люди буквально сгорали как бенгальские ог-

ни. В отчаянии они бросались в церкви, ожидая божественного спасения, и нередко были случаи, когда впоследствии находили их иссушенные тела прямо перед алтарями. Люди умирали и в Мекке, и в индуистских храмах, и в палатах элитных клиник.

Однако даже в этой череде ужасных смертей была какая-то справедливость. Количество съеденных при жизни таблеток напрямую влияло на силу предсмертных мук. Многие бедняки, которые только раз пробовали «ТТВ19» или были привиты вакциной, умирали спокойно, без судорог, часто даже во сне и почти всегда практически безболезненно. Зато «элита общества» – миллиардеры, высшие чиновники, политики, криминальные боссы, торгаши, звёзды шоу-бизнеса и им подобные испытывали воистину адские мучения. И никакие деньги не могли спасти их от страшного и неминуемого конца или хотя бы ослабить боль.

Когда уже нельзя было и дальше скрывать правду о причинах массовых смертей, мировые правительства сделали соответствующие заявления. Почти никто им не поверил. Рассказы о каких-то прилетевших из космоса метеоритах не впечатлили народ, посчитавший, что истину от него как всегда утаивают. Это спровоцировало ещё больший хаос, вспышки грабежей и насилия. По опустевшим городам бродили отряды мародёров и разбойников. Государства формально ещё существовали, но власти реально не могли обеспечить порядок даже на небольших территориях.

Но самым страшным ударом стало то, что дети, рождённые у родителей, хотя бы один из которых принимал «ТТВ19», тоже несли в себе механизм отложенной и неминуемой смерти в предназначенный час. Это была настоящая катастрофа, предвещавшая закат всего человечества.

Несмотря на это, не все опустили руки и поддались панике. Наиболее развитые страны сумели объединить людей, сохранивших остатки разума и человечности. Они создали небольшие «оплоты», в которых собрали своих лучших специалистов, передовые технологии и запасы необходимых ресурсов.

Гордон Браун трудился ночами напролёт в своей лаборатории, но все его попытки разгадать принцип воздействия препарата на геном человека не давали никаких результатов. В часы редкого отдыха от главной работы он сумел соорудить микрочип, который, будучи вживлённым в организм человека, мог точно определить оставшееся до его смерти время.

Теперь на его руке всегда светило маленькое табло с обратным отсчетом. Когда начали истекать последние сутки, Гордон собрал в конференц-зале немногих оставшихся своих специалистов и провел с ними последний брифинг.

– Все наши попытки оказались безрезультатными. Видимо, наш разум не в состоянии пока постичь эту тайну.

– Но ведь есть в мире один человек, который не умер! Значит, надежда остается?! – воскликнул один из ассистентов.

– Конечно, мистер Англома – действительно удивитель-

ный случай. Человек вмиг постарел, но после этого все процессы в его организме замерли. Мы провели на нём сотни опытов, но так и не установили, в чём заключается его уникальность. Что ж, я надеюсь, что вы продолжите исследования и после моей смерти.

– Да ведь в том и дело, что этот Марсель ничем не отличается от других людей, но когда мы вживили ему изобретённый вами чип, то часы сразу показали нули, а он живёхонек!

– Я даже подозреваю, что он теперь даже бессмертен, – ухмыльнулся Гордон, – но эту загадку вам предстоит решить без меня.

– Тяжело жить со знанием того, что скоро умрёшь, – вздохнул кто-то.

– А вот здесь ничего не поменялось, – улыбнулся Браун. – Люди всегда знали, что они умрут. В нашей психике изначально заложен механизм, позволяющий противостоять этому знанию. Тысячи лет люди жили, смирившись с неизбежностью смерти. Разум лишь цеплялся за иллюзорные надежды на то, что смерть произойдет не сейчас и не с тобой конкретно. Теперь нам всем предстоит смириться не только с её неотвратимостью, но и с предопределённостью её момента.

В зале царило мрачное молчание.

– Прощайте, друзья мои, – тихо сказал Браун, – все мы уйдем, но первая задача ученого – сделать так, чтобы человечество продолжало жить. Неважно, сколько нам отпущено, можно и за день перевернуть мир или его погубить.

Браун вышел, закрылся в своем кабинете и умер, крича от боли, точно в тот момент, когда на табло высветились четыре нуля.

* * *

«Часы Брауна» стали неотъемлемой частью жизни людей, ведя постоянный отсчёт времени, оставшегося им до конца. Их вживление стало обязательным, позволяло более грамотно распределять ограниченные людские ресурсы на необходимые посты. Было очевидно, что не имело смысла переучивать человека на другую специальность, если ему оставалось жить лишь пару месяцев.

В одном из сохранившихся «оплотов», названном Новым Новгородом, Рома Жуков готовился стать отцом. К счастью, в плане родов медицина смогла добиться значительных успехов и обеспечить почти стопроцентную гарантию рождению здорового малыша, причем практически безболезненно для его матери.

В ожидании этого столь радостного события Роман шагал взад-вперед по коридору приемного покоя и нервно смотрел на свои обычные часы, а пару раз даже взглянул и на жизненный таймер. Юристом он так и не стал, так как обществу гораздо нужнее были технические специалисты, поэтому ему пришлось пройти программу обучения работе с электрооборудованием. Ольга стала его женой уже здесь, в «оплоте»,

куда они добрались, преодолев немало трудностей погрузившегося в хаос мира. Он не мог с уверенностью сказать, что она любит его, но вместе им было хорошо, а ещё она вот-вот должна была родить ему ребенка.

– Ваш малыш, – раздался приятный мужской голос с явным польским акцентом, – поздравляю!

Погрузившийся в свои мысли Роман и не заметил, как к нему подошел медик, державший в руках сверток с новорождённым.

– Ну что вы остолбенели, папаша?! Принимайте сыночка, – улыбнулся мужчина.

– Спасибо, – только и сумел проговорить парень.

Роман осторожно взял на руки завернутого в белоснежное одеяние сына и посмотрел на его умиротворенное спящее личико. И хотя он знал, что доживет лишь до времени, когда эта кроха только начнет бегать, он чувствовал себя самым счастливым человеком в мире.

– Ваша жена ещё спит, но через три часа уже сможете её увидеть, – продолжил медик, – и ребенок будет с ней. Всё прошло очень хорошо, без каких-либо осложнений.

Роман оторвал взгляд от сына и поднял глаза на врача. Его лицо было очень знакомым, причем ещё до «оплота». Хотя, учитывая население всего в около десяти тысяч жителей, он мог видеть его и здесь. И вдруг парень вспомнил.

– Погодите, ваша фамилия ведь Подольски? – спросил Роман.

– Конечно, у меня же на халате это написано, – улыбнулся медик.

– А ведь это вы тогда перед началом всей этой катастрофы дали развернутое интервью для международных независимых новостей, где рассказали о масштабах происходящего? В Варшаве дело было? Тогда правительства еще молчали...

– Я, – хмыкнул Войцех. – Меня потом выгнали с работы за распространение панических настроений. Ну ничего, сейчас я здесь и весьма этому рад.

– Можно я сам отнесу сына в кроватку? – спросил Роман.

– Можно, сегодня моя смена, а я – добрый! – рассмеялся Войцех.

Они шли рядом по длинному белому коридору, и Роман на мгновение посмотрел на тыльную сторону ладони доктора, где на дисплее уже стартовал отсчёт последних суток его жизни. Несмотря на это, мужчина был в хорошем настроении и даже свой последний день старался провести с пользой, помогая родиться новым маленьким гражданам мира.

Но и в ручку новорожденного малыша уже был тоже вживлен маленький таймер, на котором стремительно и неумолимо бежали в обратном отсчете секунды из отведенных ему 8658 дней жизни. И вся жизнь с этого момента должна была протекать с оглядкой на эти секунды. Это был новый мир, мир таймера.

Неудачная реконструкция НИКОЛАЙ СОКИРКИН

Устать бояться

*«Мудрый не беспокоится ни о чем
поскольку он устал беспокоиться»*

Лао-Цзы

Этот рейс никогда не будет последним. Хочется крикнуть: «Слышите, у меня никогда не будет последнего вылета!»

Но вряд ли кто услышит, вряд ли кого я задену этими словами. Я просто улечу, сегодня, сейчас. Откроется люк, и я снова увижу самолет и небо. Уж не знаю, смогу ли я выдержать полёт, смогу ли снова выжить среди всех напастей, но... Иногда мне кажется, что призрачно-голубое небо слишком маняще. Оно слишком спокойно, чтобы оставить равнодушным. Может, у иного человека и не возникнет такой мысли: сорваться и взлететь, а вот у меня возникнет. Возникнет уже по той причине, что я не могу сидеть на земле, призывно вздыхая и глядя на небо.

Одних небеса благословляют, другим сулят беды и страдания, кто-то обожествляет их, но я вижу в них поток, стремление, моё стремление оторваться и взмыть прочь от земли.

– Ничего себе! Парень, ты что, решил пролететь там? – мой помощник посмотрел на вулкан, который грозно и мрачно изрыгал пламя, красуясь где-то вдали, но не настолько, чтобы быть совсем безопасным, особенно для моего полёта.

– Ты, главное, подготовь всё, чтобы этот полет не оказался последним, – не став отвечать на его вопрос, сказал я.

– Я слабо верю, что крылья смогут пролететь, выдержать полёт. Только Ив Росси делает такие трюки, и то крылья-то у него сами не летают, он приземляется на парашюте!

– Прекрасно, надо расти!

Из самолета я, как и Ив Росси, выехал на специальных роликах, а дальше... А дальше невероятный шум ветра, где-то земля, потерявшая объем из-за высоты, и вулкан, над которым, почти над самым жерлом, должен пролететь я. Ещё будучи на земле, лётчик попросил меня передать привет Сатане, когда я буду пролетать над центром вулкана. Это было вместо последнего напутствия, а мой помощник просто крикнул: «Рок-н-ролл!»

Крылья должны были управляться с помощью специальных сенсоров, прикрепленных к моей голове. Это что-то вроде искусственных частей тела, которые прикрепляют инвалидам. Только крылья во много раз чувствительней, к тому же есть подстраховка. Если датчики перестанут реагировать на нервную систему, то они будут слушаться малейшего движения моего тела. Если крылья потеряют чувствительность, то в ход пойдет ручное управление, а если вдруг всё

пойдет крахом, то мне поможет парашют – чудесное изобретение человека, дарующее свободу и спасение. Но крылья мне оставит их изобретатель, если я смогу с помощью них и приземлиться, не знаю, как именно, но специальное топливо превратило крылья почти в реактивный ранец. Страшно ли мне? Страшно было в самолете, а сейчас я не думаю о падении, мне некогда ощущать ужас. И хотя уже адреналин хлынул в мою кровь, я спокоен и сосредоточен, меня почти нет в этом полете, я полностью растворен в нём.

Несколько завитков, чтобы яркий шлейф из дымовых шашек, что прикреплены к моим ботинкам, запечатлелся на фоне извергающей пламя и пепел горы, на радость фотографам и зевакам, и дальше, к вулкану.

Жарковато! Вулкан недружелюбно встречает. Кто знает, может, как полыхнет и прощай всё! Жалко будет крылья, да хотя какая потом мне будет разница?

Какой дым! Одна надежда на специальный костюм и респиратор. А все равно страшно, скорей бы пролететь над ним. В этом самая соль: пролететь, пройти там, где тебе страшнее всего, там, где все превращается в единый всеобъемлющий страх. Какое в этом удовольствие! Удовольствие бывает не только там, где тихо и спокойно, но и там, где можно что-то превзойти, а труднее всего превзойти самого себя.

Жуткий пепел начал вырываться из жерла, видимо так рождались легенды о драконах, о богах, в тот момент, когда человек сталкивался с такими вот явлениями и чувствовал

свою ничтожность перед ними. Ближе, еще ближе и еще жарче, почему-то кажется, что я не вернусь!

Ужасно! А не страшно! Вот это жар и... Я ничего не вижу. Я граничу между паникой и сосредоточением, всё равно никуда не деться, но страх и инстинкт самосохранения хотят вырваться откуда-то из глубины, да... Вот это выброс! Даже через специальный защитный костюм, я ощущаю жар, какой ЖАР! ЖАР! КАК ЖАРКО!..

– Меня пугает только первый реконструированный. – Я слышал шепот где-то совсем далеко. Неужели это лекарства так действуют, словно меня напичкали наркотиками? – Он слишком неуправляем и самостоятелен.

Похоже на голос той брюнетки, что пыталась общаться со мной. Она что-то говорила про реконструкцию. Ох, как меня мутит, и все кружится, едва я открою глаза.

– Ещё одной очередной реконструкции бюджет не выдержит. Спасибо, что нам и так дали двоих. Хорошо ещё, что тело второго частично спас его необычный костюм, а первый упал в болото.

– Ну, он до сих пор летит. Боюсь, что такая фиксация даст о себе знать, рано или поздно...

– Наши психологи над ним поработают. Если надо, они его прозондируют и подкорректируют, и он не захочет больше летать, да и ему это будет незачем, у него всё будет на земле. Что за чушь... никогда... зачем мне просто жить на земле,

я лучше сдохну, чем буду просто сидеть на земле...

– Это вам не ваше общество, – высокая брюнетка, слишком идеальная, будто из журнала, что-то говорила о том, как я должен вести себя в их мире. – Запомните, вы были реконструированы с научными целями, а не из-за гуманных соображений.

«Интересно, – размышлял я, – как такая шикарная девица могла стать научным сотрудником? Нет, ну как, это понятно, но ведь она что-то соображает, по крайней мере она понимает, что говорит».

– А вы, – обратившись ко мне, она прервала цепочку моих рассуждений, – вы так и не вспомнили своё имя?

– И не хочу...

– Мне не нравится ваше поведение, и я уже начинаю сожалеть, что вас реконструировали! – её голос звучал деловито, даже наигранно деловито. Обычно так бывает, когда женщина хочет показать свою силу, власть, но не понимает, что от этого её образ становится только наивнее, словно гротескная пародия.

– Ну, сожгите меня второй раз, – отрешенно ответил я, – первый раз я уже сгорал, второй раз будет не столь эффектно.

– Вы можете продолжать смеяться надо мной, – она почувствовала, что мой цинизм и полное равнодушие к их «дару» ставит под сомнение ее безупречный статус в их органи-

зации, – но вполне возможно, что вам найдут иное... иное предназначение.

– Что-то вы замаялись, когда говорили о предназначении. Мне кажется, вы просто не знаете, что делать с нами потом. Может, всё это «мероприятие» не совсем законно?

Она, конечно же, не покажет вида, что я её задел. На любые замечания и колкости она рассмеётся, высокомерно и вызывающе, но я понимаю, что мое трикстерство означает для такой самостоятельной женщины, что ее показная сила под сомнением.

– Чего тебе не нравится? Глянь вокруг, какие города, техника, какие женщины вокруг! – шепнул мне на ухо второй реконструированный. – Не жизнь – а малина, ничего делать не надо, более того, они предлагают даже внешность бесплатно изменить.

– Ты как погиб?

– Что? – он явно был удивлен такому интересу к его персоне. – Пьяный разбился...

Что-то в голосе было не так, он сильно разволновался.

– Сбил кого-то?

– Нет.

– Точно?

– Чего ты пристал, может тебе уже и доложили про меня что-то, ну и что с того? Это было черт знает когда! – он перешел на крик. – Давно уже нет никого, кто жил в те времена, ну и что? Мало сбивают на дорогах женщин с детьми?

– Ну да, действительно, одними больше, одними меньше, – я открыто насмеялся над ним.

– Да пошёл ты! – парень совсем начинал терять контроль. – Что? Думаешь, ты – святой? А ты сам-то как погиб? Я вижу, что не от старости?

– Спроси у той красотки, – я махнул головой в сторону нашего поводыря – брюнетки.

– А как погиб этот тип? – внезапно спросил парень, когда мы уже зашли в лифт.

– Странный интерес... – брюнетка была удивлена, – но вы имеете право знать. Он сгорел заживо, пролетая над вулканом, на специальных крыльях.

Мой товарищ по несчастью или по счастью был растерян и даже поник, оставшуюся часть пути до исследовательского института он просто молчал.

– Вам не предлагают, вас обязывают, – жестко сказал какой-то очередной научный сотрудник с пропорциями атлета, – вас обязывают подчиниться всем нашим приказам, после чего вы сможете сделать «пластику», устроиться на работу, у вас уже будет приличный капитал.

– «Пластику»? – я перебил странного ученого, отчего вызвал его негодование.

– Вас что-то смущает?

– Зачем она мне нужна?

Люди вокруг нас что-то начали обсуждать, перешёптыва-

ясь.

– У нас все делают «пластику», вы же не хотите просто так прожить жизнь? Мы сохраняем молодость...

– Это получается, что и умираете молодыми?

Их лица были растеряны. Видимо, я задел какие-то нотки их душ или душонок, о которых не принято говорить вслух, но только не мне.

Наш проводник отвела меня в сторону. Здесь находилась комната психологической разгрузки, обставленная искусственными цветами и развешанными на стенах репродукциями картин.

– Вам пора усвоить, что есть вещи, о которых здесь говорить, по крайней мере вслух, при большом количестве людей, не принято, – ее голос был неровен, она нервничала, словно я спросил о чем-то неприличном.

– В моё время говорить о старости и смерти не было чем-то неприличным, – спокойно ответил я, стараясь не волновать проводника.

– Дело не в моральной стороне вопроса.

Странное дело, что же тогда? Если это не табу морального плана, тем более не религиозного, тогда все дело в цене вопроса, как говорят...

– Подождите меня здесь.

Дверь захлопнулась. Ну что же, можно побыть и в одиночестве, тем более что я не испытывал этого ощущения уже давно...

Как странно, в этом мире я не видел внешне неидеального человека. По крайней мере, за тот срок, что мы ходили по улице, передвигались в транспорте, словно все вокруг сошли со страниц журнала. Видимо, «пластика» – это средство, чтобы убежать от неидеальности себя, мира, скрыть комплексы, вот только скроешь ли ты их в своей голове?

Окна не пропускали шум, только свет мог оказаться в комнате. Жалюзи были открыты, и в огромных окнах я видел высотные здания, да и мы сами были на большой высоте, где-то на последних этажах. Вроде всё вокруг в специальных тонах, всё прекрасно отделано, но как-то трудно было назвать это место, призванное быть способствующим расслаблению, своей идеальностью, уютным.

Мои рассуждения и дремоту, потихоньку пленяющую меня всеми силами, прервал тот самый доктор, который беседовал со мной в самый первый день моего «воскрешения».

– Вы хотели знать, почему ваш вопрос вызвал такую реакцию? – медленно и неуверенно начал он.

– Было бы интересно, – ответил я, – вы извините, но нас не инструктировали, что можно, а что нельзя спрашивать в вашем мире, я-то и в своем не сильно стеснялся.

– Да, да, резонно, резонно, – доктор потер руки, пытаюсь собраться с мыслями. – Вообще-то, как вы заметили, в нашем мире можно исправить любые недостатки вашего тела. Мы лечим болезни, мы омолаживаем, кстати наша фирма этим и занимается, даже оживляем, но это, пока, только

единственный случай. Мы продлеваем молодость, и для этого нас и держат. Только мы не смогли победить смерть.

«И слава богу», – заметил я про себя.

– Смерть наступает внезапно. Из молодого человека или прекрасной юной девушки ты, в одночасье, становишься дряхлым, измождённым, ветхим и умираешь... – Доктор замолчал. – Этого мы боимся больше всего, ибо не можем угадать, когда наше средство молодости прекратит действие и ветхость возьмет свое. Это может произойти на улице, на свидании в ресторане, да где угодно.

– Особенно интересно это на свидании или под венцом, – засмеялся я, – вы извините за смех, но это очень нелепо.

– Может быть, может быть...

– А скажите, – я посерьёзней, – в вашем мире нет страданий, болезней, бедных, сумасшедших?

– Этого предостаточно! – Он замолчал, понимая, что сказал и так слишком много.

– То есть также сходят с ума от денег и власти, не зная, чем занять себя в своей праздности, ссорятся, убивают, только век всех тех, кто этим занят, стал дольше, да и сил у них полно до самого смертного часа?

– Вы слишком абстрагируете моральные нормы, – вмешалась брюнетка.

– А как выглядела она до «пластики»? – внезапно спросил я.

– Нам запрещено распространять любую информацию

о том, кто как выглядел до изменений, скажем так, – врач, если его так можно назвать, посмотрел на девушку, – любую, даже просто словесную. Находятся, конечно, кто ее распространяет, тем самым стараясь заработать на этом, но, как вы понимаете, это незаконно.

– Что же такого – знать, как кто-нибудь выглядел до операции?

– Это важно, например, для знаменитостей, да и простой человек этого опасается...

– Прекрасно! – я рассмеялся. – В мой век люди нанимали частных детективов, находили всякие ухищрения, чтобы хоть как-то порыться в чужом грязном белье, а теперь ничего этого не нужно, просто немного денег и терпения и пару фотографий. Я всегда говорил, что нет ничего более постоянного, чем мораль.

– Да он просто издевается над нами! – в гневе, брюнетка бросила стопку бумаг на стол.

– Нет, – я вздохнул и развалился в кресле, – если все вы были бы заняты собой чуточку поменьше, то обратили бы внимание, что сказал я это смеясь, но с грустью. Мне было грустно, я не находил отрады в жизни обычного человека в свое время, как сегодня не нахожу и среди вас.

– Ну, кто знает, вы только недавно в нашем мире, – улыбнулся доктор.

– А вот вы? – я наклонился к нему.

Доктор заволновался, явно не ожидая такого внимания

к своей персоне. Его руки не находили себе места, глаза забегали по предметам.

– Вы не похожи на вашу коллегу, – я кивнул в сторону брюнетки, – вам претит даже ваше омоложение.

– Да что вы его слушаете! – девушка закричала еще громче. – Между прочим, у нас есть высококвалифицированные психологи, а не сумасшедшие летчики-самоучки, которые из-за своих эгоистичных намерений или комплексов лезут штурмовать разъяренный вулкан!

Доктор напрягся, и вместе с ним, словно в унисон, стала напряженной вся обстановка в помещении.

– А вы знаете, как прекрасно ЛЕТЕТЬ! Как незабываемо, когда солнце, садясь на закате, светит тебе в спину, а ты словно можешь долететь до него и коснуться рукой, не боясь обжечь свои крылья. Как прекрасен среднерусский пейзаж, особенно осенью, когда дым от костров застывает в воздухе, когда только облака и это солнце свидетели твоей СВОБОДЫ. Вы были свободны когда-нибудь? – Говоря тихо и расслабленно, я повернулся к девушке. – Бьюсь об заклад, здесь таких нет. Вы думаете, свобода – это выбор между чем-то и чем-то, но свобода – это нечто вне выбора, это всегда нечто новое, это даже возможность не выбирать вовсе.

– Вы прекрасный собеседник, – неуверенно сказал доктор, – я, видит бог, – он не знал, где найти себе место, – видит бог, я бы не хотел всего этого, но мы вынуждены принудить вас участвовать в нашем эксперименте.

Как быстро я настроил его на свою сторону. А может, я та отдушина, та уверенность, тот анимус – одним словом, все то, чему ему не хватало всю жизнь? Это очень женственное общество, где даже для мужчин служит единственным утешением – внешняя красота, да и это можно проверить.

– Ты знаешь, почему он с тобой был так откровенен? – девушка склонилась надо мной, злобно произнося каждое слово.

– Ну, есть у меня предположения, – ответил я.

– Не надо предположений, – она скорчила гримасу участия, едва не погладив меня по голове, – я все скажу тебе и так. Тебя отправят в утиль, как неудачную реконструкцию, мой милый.

– Какая вы, – я со смаком произнес эти слова, – какая вы заботливая, я бы так и сидел, не зная правды. – Меня взяли под руки охранники. – Я уже сторал заживо, можно теперь замерзнуть, – уже в конце коридора, я прокричал: – А лучше раствориться в кислоте, чтобы второй раз меня не реконструировали! – Сказав это, я повис на накачанных руках охранников.

– Ого, – болтая ногами, я обратился к охранникам: – Вот это бицепсы! Бьюсь об заклад, вам их тоже здесь сделали. Наверное, ты был ботаном, а тебя все били, раз вы такие «банки» себе нарастили?

– Скорей бы тебя уже утилизировали, – прошептал один из охранников.

– Перед этим я тоже хочу нарастить такие бицепсы – доктор говорил, что это можно сделать в два счета.

Я думаю, хватит трикстерства, хотя от этого и трудно отказаться. Интересно, насколько их мышцы рабочие? Всё-таки тяжелой работы они не видели. Но ребята слишком здоровые, что тут говорить, по сравнению с ними, моя жилистость выглядит убого.

Меня привели в комнату, где все было белым, царила стерильная тишина. От всего этого веяло какой-то неестественностью, казалось, сам воздух был здесь стерилизован. Белые стулья, белые кровати, белые стены... Если здесь пожить немного, то, пожалуй, можно сойти с ума. У белого цвета странная особенность: он делает все объемней, кажется светлым и добрым, но через некоторое время начинает угнетать. Видимо, такая белизна и в человеке, в слишком больших количествах, начинает угнетать, скрывая за собой все самое темное. Вот почему «чистенький» человек, этакий «святоша», который нравится всем, не делает зла, но и добра никому еще не сделал, вызывает большие опасения у самых пытливых умов.

– И вы сможете вот так же оживить, или, как вы называете это, реконструировать, членов нашего совета и их семьи? – Рослый мужчина с вечно молодым телом и лицом сидел в деревянном кресле, вдыхая запах хвои и цветов, которые изобиловали в саду.

– Необходимы некоторые тестирования, иначе кто знает, какой процесс может наступить. Если уже реконструированного мы попытаемся омолодить, нужно вначале испробовать на ком-нибудь из уже реконструированных, – доктор говорил неуверенно, словно боялся разочаровать своими словами собеседника, – я предлагаю начать уже завтра, тем более что один из реконструированных всеми руками «за», да и ему после операции будет проще интегрироваться в наше общество.

Сосны мерно раскачивались, источая запах хвои. Они то успокаивались, то вновь начинали раскачиваться, словно сказочные великаны, каждый раз реагируя тем самым на дуновение ветра.

– Это кто же из них? Тот, которого нашли после аварии в болоте или сумасшедший, который решил потягаться с вулканом? – мужчина засмеялся. – Как только научитесь быстро и без дефектов оживлять, я тоже сделаю какой-нибудь из этих трюков. А представляете, как это будет выглядеть для предвыборной кампании, а?

Собеседник доктора, мечтательно, посмотрел на небо.

– Вы всё-таки решили баллотироваться на пост президента? – чтобы прервать недолгую паузу, спросил доктор.

– Всё это формальность, мой милый Джонс, все это формальность. – Откровение мужчины прервал слуга, который сообщил, что пришел персональный тренер по йоге. – Хорошо, сейчас иду, – ответил собеседник, – о чем это я? Ах да.

Всё это формальность, наша семья владеет своим бизнесом, другая своим, мы ещё в университете были в одной организации, а теперь все силы вкладываем в экономическую мощь и в эти разработки по омоложению. В наших руках – экономика, проще говоря – деньги. Думаете, парламенты, сенаты, синоды и прочее играют какую-то роль? Далеко ли они пойдут, если их лишить их вкладов в банках, топлива, еды, да того же омоложения? В лучших борделях, которыми владеют наши компаньоны, отдыхают и президенты, и генсеки, и кардиналы – все. Считайте, милый доктор, что пост президента для меня – просто развлечение, так, потешить собственное самолюбие. И еще, – встав, он наклонился над доктором. – Я очень откровенен с вами, очень, может даже чересчур. Это не просто так. – Затем, изменив тон, он выпрямился, сказав напоследок: – Простите, сейчас у меня занятия йогой. Йога – прекрасное средство, чтобы сохранить молодость и здоровье. Ведь так, доктор?

Джонс еще немного посидел под раскачивающимися соснами, источающими прекрасный аромат. Он все прекрасно понимал. Понимал, что бросить просто так все и уйти не сможет, он на крючке такой вот откровенности.

– Чёрт бы побрал его откровенность! – Иногда он начинал завидовать тому второму реконструированному, который сгорел над вулканом. – Может, тоже вот так вот полететь с ним и... м-да, – внезапно он вспомнил, что каждую неделю они проходят тщательный медицинский психологи-

ческий осмотр и за мысли о самоубийстве ему грозит лечение. – А ведь всё это создавал я, – сказал, вздохнув, доктор.

– Что будем делать с этим чокнутым? Вчера он флиртовал с нашей медсестрой! – негодуя, обратилась к доктору брюнетка.

– Если не ошибаюсь, вчера второй реконструированный, напившись, пытался изнасиловать Элизабет, нашего психолога, а потом разнес всю посуду в палате, – безразлично ответил доктор, – что вам дался этот парашютист или пилот? Может, он вам нравится? – Глаза доктора смотрели куда-то в пустоту.

– Он ВАМ нравится! – сказала брюнетка. – Я это давно заметила, Джонс!

– Ну и что? – Джонс почувствовал уверенность в своих словах. – А вы знаете, как его звали при жизни?

– Мне безразлично, как его звали, я знаю одно – это неудачная реконструкция!

– Сейчас это не имеет значения, но раньше вы бы были, как это, соотечественниками, – так же безразлично, продолжал доктор, – этот парень из Восточной Европы.

– Ну и что?

– А может, вы его очень дальняя родственница! – доктор засмеялся.

– Вы не в себе? – девушка явно была удивлена и разгневана.

– Простите, Маргарет, я просто устал, у меня была сложная встреча с заказчиком, – Джонс понял, что такое поведение выглядит, по меньшей мере, вызывающе, а то и странно в подобном мире.

– Я понимаю... – девушка старалась говорить мягче.

– Готовьте первого для «пластики», – сказал доктор. – Этого, как его? Алкоголика.

– А что делать с парашютистом?

– Ну, мы же не можем его просто так убить? – Джонс сказал это с явным раздражением. – И кстати, Маргарет, вы были красивы и до изменений.

Доктор ушел, так и оставив Маргарет стоять в оцепенении. Единственная мысль проскользнула в ее голове, мысль о том, что коллега обезумел. Несмотря на его молодое и красивое тело, ей он показался сгорбившимся стариком, уставшим от всего, что его окружало.

Ночью мне приснились мои крылья. Как жаль, что они сгорели тогда. Я понимаю, что такая привязанность к брэнной вещи чревата постоянным страданием от одной мысли, что ты больше не владеешь ею. Но меня расстраивало не то, что исчезли сами крылья, деньги, которые были потрачены на их изготовление, а то, что я сижу здесь, словно какой-то пленник, никто не выпускает меня, никто не считается с моим мнением. Я понимаю, что среди всей этой тишины уже было принято решение избавиться от меня, пусть

даже его не озвучили. Второго, скорее всего, омолодят, потом «выпустят» в свет, а свои дни он закончит так же, как закончил много столетий назад. Вот интересно, потом его станут оживлять вновь? Да, станут. Такие люди интересны всем и всегда, власть любит тех, кто прозрачен, кто просто хочет сытно поесть, красиво пожить. Тех, кто слишком много думает, не любят нигде, из такого лучше сделать героя или пророка, но посмертно, перед этим как-нибудь красиво убив.

– Эй, реконструированный номер два! – мои пространные философствования прервала брюнетка.

– Меня зовут Кузнецов Игорь Павлович, а не номер там какой-то, тем более не второй.

– Какие мы обидчивые, – она засмеялась. – Ты вспомнил свое имя? Не хочешь развлечься, тебе, наверное, скучно торчать здесь целыми днями?

– Если только с тобой, Маргарита, – я язвительно улыбнулся.

Это ранило самолюбие девушки окончательно, но она скрыла свой гнев, ради цели, какой-то очень важной, но это не омоложение. Мало того, если она столь обходительна со мной, значит, все дело в ином... Она хочет меня убить. Да, да, будем изъясняться просто и лаконично, просто убить.

– Мы сделали для тебя новые крылья, – она лукаво обратилась ко мне, – ой, простите, для вас, как там вас по имени?

– Спасибо, – я не сделал ни малейшей гримасы раздражения.

Что же в них не так? На вид, вполне сносно. Может, я и разобьюсь насмерть, но полетать успею.

– Можно вас чмокнуть в знак благодарности? – я решил добить стервозную девицу, но, видимо, такого слова в их времени не знали. – Поцеловать?

– Потом, как вернетесь, – ответила она.

– А я думал, мы уже перешли на «ты», – улыбаясь, сказал я, попутно надевая шлем.

Эта конструкция была явно совершенней той, на которой летал я. И парашют предусмотрели, как мило с их стороны.

Внизу была земля, которая казалась еле видимой лентой среди квадратов-небоскребов. Лифт нас поднимал все выше и выше. Оказалось, что он был связан с какой-то вышкой, которая позволяла ему подниматься на много километров над землей. Если предметы потеряли объём, то мы, как минимум, метров на пятьсот поднялись. Все были отвлечены зрелищем заката, и, пользуясь этим, я старательно осмотрел свое снаряжение и увидел небольшую записку, запрятанную в одной из дымовых шашек.

«Эти шашки не дымовые, они разорвут вас на части». – Слова в записке были лаконичны и подпись: «Доброжелатель».

Я спрятал записку обратно. Кто же это мог быть, этот загадочный доброжелатель? Доктор? Если бы он знал, то не допустил бы всего этого?.. Эта стерва – брюнетка? Тоже нет. Охранники? Они ждут не дождутся, когда я превращусь

в фейерверк. А может... Точно! Там со мной беседовал психолог, как я понял, он единственный, кто считал, что мое поведение естественно и правильно, кажется, его уволили потом.

Я на высоте семисот метров, как показывает высотомер, а значит, можно прыгать. А главное, какой вид, закат над морем и побережьем, которое граничит с городом! Даже если не удастся снять шашки, я увижу, как море медленно растворяет в себе закат, а солнце, словно не желая расстаться с ушедшим днем, все хватается своими алыми лучами за уже темнеющее небо. Думаю, что пора прыгать, сделав это неожиданно, чтобы хоть в чем-то расстроить их планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.